# ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Учебно-методическое пособие

Настоящее учебно-методическое пособие содержит основоположения классической и неклассической герменевтики, фрагменты из работ классиков, иллюстрирующие эти положения; словарь терминов, перечень вопросов для самоподготовки, список рекомендуемой литературы.

Предназначено для студентов, изучающих дисциплину «Современная философия и методология науки».

# I. Общие замечания

Вопросы *философской герменевтики* не сразу понятны не только студентам или аспирантам, но и специалистам-философам, принадлежащим к разным научным школам.

Главную трудность составляет сам язык герменевтики, столь необычный, что приходится переводить «с русского на русский» и еще долго входить в контекст. Еще одна трудность вызвана самим характером проблем герменевтики. Если вы исследуете акты понимания, то они всегда парадоксальны[1], антиномичны и в некотором смысле «иррациональны», если, конечно, подходить к ним с меркой обычной формальной логики (так, глубоко парадоксальны идеи «целого», «бытия», «ничто», «герменевтического круга» и т. д.).

Между прочим, все трудности здесь того же порядка, что и в знаменитом физическом парадоксе соотношения неопределенностей Гейзенберга (нельзя одновременно определить местоположение и скорость частицы), с той разницей, что в герменевтическом парадоксе речь идет не о физике, а о сверхфизическом феномене языка: чем большую однозначность мы придаем термину, тем неопределеннее становятся смыслы, и наоборот[2]. Таким образом, в отличие от точных наук, строгие смыслы здесь ценятся выше, чем строгие термины.

Простой сменой специального языка на привычный избавиться от указанных трудностей невозможно, но можно попытаться облегчить *чтение*[3]. Почему бы, например, не опереться на уже имеющийся опыт классиков герменевтики в популяриза-

---

[1] Подробнее о парадоксах понимания см.: Васильев В. Ф., Проказников А. В. Конспирология бытия. Ярославль, 2009 (Раздел первый. Гл. 2,3.).

[2] Близкий по смыслу языковый парадокс отметил С. Лем в книге «Философия случая» (М., 2007): «Царство, где господствует система языка, простирается от пустоты формальных доказательств до полноты смыслов, и можно сказать так: в этом царстве один полюс, математический, характеризуется точностью без понимания; для другого же, напротив, характерно понимание при неточности формулировок» (с. 643).

[3] [Не] бывает «философского текста», бывает философское чтение… Если мы хоть как-то, почти на ощупь, владеем философским чтением, то уж и знаем, догадываемся, где настоящее событие…» (Бибихин В. В. Чтение философии. СПб, 2009. С. 13.)

ции своих идей? До некоторой степени это позволяет — с потерей глубины — переводить «с русского на русский» (в герменевтике такая процедура называется «семантический перевод» не из слова в слово, а из смысла в смысл). Во всяком случае, такой перевод совершается наиболее естественным путем, поскольку он требует осуществить герменевтическое исследование на предмет особого вида интерпретации.

Попытаемся и мы извлечь опыт популяризации из трудов классиков. В данном пособии предприняты следующие шаги в этом направлении.

• Для раздела II произведен отбор нескольких ключевых идей, дающих общее представление о классической и неклассической герменевтике. Критерием послужили исторические экскурсы Г. Гадамера из энциклопедического труда «Истина и метод».

• В разделе III размещены фрагменты из признанной мировой классики (фрагменты трактатов Ф. Шлейермахера, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, П. Рикера). Выборка дает интуитивное представление об общем круге проблем герменевтики и способе их выражения в языке. Эффект непонятности языка должен послужить стимулом для непосредственного обращения к самим источникам. Как отмечал в связи с этим В. В. Бибихин, серьезный философский труд требует великого терпения, только тогда начинаешь вникать в суть на сто первой странице.

• В разделе IV изложен ряд принципов и категорий в виде «узлов», так что каждый «узел» собран из наиболее характерных цитат. В сущности, все принципы и категории восходят к одной центральной проблеме герменевтики — проблеме понимания. Отсюда появляется возможность многоаспектного рассмотрения проблемы.

• В разделе V дан минимальный список терминов, отражающих базовые категории герменевтики. Пользуясь словарем, мы не должны, однако, преувеличивать его значение, поскольку, как уже указывалось, строгие смыслы в герменевтике ценятся выше, чем строгие термины.

## II. Классическая и неклассическая герменевтика

Вся область герменевтики делится на два крупных раздела: на отраслевую и философскую. Первая развивает специализированные *теории истолкования текстов* (филологические, юридические, исторические и др.), вторая — *общую теорию понимания*.

Создателем философски-универсальной герменевтики по праву считается Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер, у которого она еще не вполне отделена от предшествующей теологической формы — от экзегетики. Будучи одновременно философом и богословом (а также филологом и переводчиком античной литературы), он приходит к мысли, что явления духа не поддаются ни догматическому формальному истолкованию, ни научно-рациональному; выше того и другого он ставит интуицию.

Первые наброски теории относятся к периоду 1796–1802 гг. («Речи о религии» и «Монологи»), а зрелые идеи формируются в лекционных курсах 1806–1834 гг. Лекции и статьи этого периода под названием «Герменевтика» были изданы в Германии в 1836 г. учеником Шлейермахера Фр. Люке. Так рождается новая наука.

Дальнейший путь герменевтики связан с так называемой «философией жизни» и ее яркими представителями — В. Дильтеем, Ф. Ницше, Г. Зиммелем, отчасти неокантианцами. Исследования этого приблизительно столетнего периода объединяются понятием *«классическая герменевтика».*

*Неклассическая герменевтика* как течение неклассической философии возникла на волне научных и культурных революций начала XX в. Значительный вклад в новое фундаментальное направление мысли внесли Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, Ф. В. фон Херрман, В. В. Бибихин. Кроме того, близкие или аналогичные идеи высказывали русские философы рубежа XIX–XX вв. Л. Шестов, С. Франк, Г. Шпет, В. В. Розанов.

Хотя два типа герменевтики — классическая и неклассическая — совпадают в некоторых постулатах и принципах, все же строятся они на разных основаниях. Кратко рассмотрим идеи той и другой.

# *1. Классическая герменевтика (основные идеи)*

1. Главный предмет исследования — явления духа.

2. Общая задача — поиск методологии, соответствующей предмету гуманитарных наук. Гуманитарные науки определяются как науки о духе. Поскольку духовное есть творческий продукт и поскольку творческая природа духа не определяется обычной формальной логикой, то сам феномен постигается интуицией и созерцанием.

3. Здесь противопоставлены два метода. Метод точных наук — это прежде всего *объяснение* через дедукцию, когда явление подводится под общий принцип, закон, определение. Герменевтика ставит краеугольным камнем противоположный принцип — принцип *понимания*. Понимание здесь имеет вид созерцания целого и части целого. Этим улавливаются и возможности целого.

4. Органические свойства *целого* выражаются в том, что а) целое существенно больше суммы своих частей; б) в части «светится» целое.

5. «Герменевтика есть *искусство* понимания».

6. Герменевтика предполагает критику (текста, но не автора).

7. Искусство понимать связано с внутренней стороной мышления, в то время как речь — с внешней.

8. Речь автора индивидуальна и одновременно относится к «тотальному» языку. Понимание должно учитывать оба момента.

9. Особое внимание уделяется *интерпретации*. Интерпретация делится на «психологическую» и «грамматическую». В «психологическом» способе толкования выявляется то содержание, которое имел в виду сам автор высказывания. Это достигается «вживанием» (Ф. Шлейермахер) или «вчувствованием» (В. Дильтей) в личность другого человека, в психологию другого времени, в чужую культуру и т. д. «Грамматический» способ открывает те смыслы, которые не имел в виду автор высказывания, но которые тем не менее имеются в виде «самосказывания» национального языка, действия традиции, выражения таинственных сил творчества. Все это обобщается формулой: *нужно понять автора лучше, чем он сам себя понимал* (автор оказывается как бы «глупее» своих произведений).

10. Истолкование необходимо там и постольку, где и поскольку первоначальное мышление автора преобразовано его речью. Истолкование вскрывает изначальную мысль.

11. Одно из фундаментальных положений звучит так: *герменевтическая ситуация всегда возникает заново*. Это значит, что каждый акт понимания уникален и, следовательно, не существует универсального алгоритма понимания.

12. Другое фундаментальное положение называется «*герменевтический круг*». Круг представляет собой парадокс: для того чтобы познать целое, нам нужно предварительно знать часть, и одновременно, чтобы познать часть, мы должны предварительно знать целое. Чтобы выйти из круга, необходимо уловить руководящие идеи и основное направление мысли.

13. В классической герменевтике особое значение придается толкованию священных книг, а также трудов классиков. Задача непростая, хотя решение ее известно со времен Августина Блаженного: труды гениев требуют от заинтересованного читателя «конгениальности», т. е. внутреннего сродства и вдохновения, созвучного первоисточнику.

## *2. Неклассическая герменевтика (основные идеи)*

1. Основной предмет исследования (и одновременно перспектива и «сверхзадача» поиска) — *бытие сущего*.

2. Все положения прежней, «классической» герменевтики сохраняют свое значение и для «неклассической», однако с поправкой на то, что вторая ориентирована не на речь, а на бытие. Суть в том, что герменевтика, будучи искусством понимания, одновременно является онтологией (учением о бытии). Отсюда — другие названия неклассической герменевтики: «фундаментальная онтология», «экзистенциальная аналитика», «феноменологическая герменевтика».

3. Один из важнейших ее принципов гласит: «*Понимание есть способ бытия человека*» (М. Хайдеггер, П. Рикер, В. В. Бибихин).

4. Понимание как способ бытия есть выход за пределы сущего (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, П. Рикер).

5. Основные определения бытия: а) мир как целое, единое; б) бытие трансцендентно и как таковое непостижимо; в) бытие несводимо к сущему и любой совокупности сущего (бытие — «ничто» любому «что»); г) «бытие есть то, в свете чего является сущее»; д) бытие человека (Dasein) неотделимо от бытия вообще.

6. В области непостижимости, трансцендентного бытия рождаются смыслы.

7. Понимание происходит от непонимания, удивления (Сократ, Аристотель, М. Хайдеггер, В. В. Розанов, В. В. Бибихин).

8. Смысл рождается тогда, когда происходит «смена аспекта», т. е. когда ранее известное предстает в новом свете.

9. Условием понимания чего-либо является понимание человеком своей сущности (Dasein), неотделимой от мира в целом. Поэтому сущность человека определяется как «бытие-в-мире».

10. Цель понимания — истина, суть истины — свобода (М. Хайдеггер).

## III. Знакомство с первоисточниками

### *1. Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер*

*(21 сентября 1768, Бреслау, — 12 января 1834, Берлин)*

***«Герменевтика»***

*(Фрагменты из вводной части «Компендиумного изложения 1819 г.»)*

<…> Герменевтика как искусство понимания… в общем виде [должна быть еще создана].

Имеется в виду только искусство понимания, а не искусство изложения понятого. <…>

Герменевтика и критика похожи друг на друга настолько, что осуществление одной предполагает осуществление другой. <…>

Герменевтическая задача все время возникает заново. <…>

Так как искусство говорить и искусство понимать противостоят друг другу, а речь является лишь внешней стороной мышления, то герменевтика существует в связи с искусством мыслить и, следовательно, является философией. <…>

Противоположность искусства говорения и искусства истолкования состоит в том, что последнее зависит от композиции и предполагает ее. <…>

Принадлежность друг другу герменевтики и риторики состоит в том, что любой акт понимания есть перевертывание акта речи, благодаря которому осознается, какое мышление лежало в основе речи. <…>

Так же, как любая речь имеет двойственное отношение к общности языка и совокупному мышлению ее инициатора, так и любое понимание состоит из двух моментов — понимания речи как извлеченной из языка и понимания ее как факта в мыслящем <…> … искусство понимания начинает действовать лишь при прогрессивно развивающемся мышлении.

Поэтому любой человек, с одной стороны, является местом, в котором своеобразным образом формируется данный язык, и его речь следует понимать, исходя из тотальности языка. Но, с другой стороны, он является также постоянно развивающимся духом, и его речь является лишь фактом этого духа в связи со всеми прочими.

Понимание является лишь взаимодействием обоих этих моментов.

… прирожденность языка модифицирует дух. <…>

Разделение на грамматическую и психологическую интерпретацию остается основным.

Оба момента совершенно одинаковы по отношению друг к другу, и было бы неправильно называть грамматическую интерпретацию низшей, а психологическую — высшей.

Психологическая интерпретация является высшей, если язык рассматривается лишь как средство, благодаря которому человек сообщает свои мысли; грамматическая интерпретация сводится тогда только к устранению временных затруднений.

Грамматическая интерпретация является высшей, если язык рассматривается постольку, поскольку он обусловливает мышление отдельного человека, а отдельный человек лишь как место для языка, его речь — лишь как то, в чем он обнаруживает себя. Вследствие этого психологическая интерпретация совершенно подчиняется грамматической, как и наличное бытие отдельного человека вообще.

… Удачное осуществление искусства истолкования основывается на языковом таланте и на таланте познания отдельного человека. <…>

Минимум психологической интерпретации применяется при доминирующей объективности предмета: в чистой истории, главным образом в частностях, ибо воззрение на историю в целом всегда окрашено субъективно; в эпосе; в деловых переговорах, которые могут относиться к истории; в строгих дидактических рассуждениях, касающихся любой области. Здесь везде субъективное не должно использоваться как момент истолкования; оно становится его результатом. Минимум грамматического истолкования при максимуме психологического имеет место в письмах, прежде всего в подлинных. <…>

… неправильно полагать, что историческая интерпретация учитывает события. Познание истории должно происходить до интерпретации, ибо благодаря ему выясняется отношение между говорящим и первоначальным слушателем, что всегда должно быть сделано предварительно. <…>

Следует … различать пассивное и активное непонимание. Последнее происходит вследствие такого пристрастия, которое не может дать ничего определенного для понимания. <…>

*Задачу понимания можно выразить и таким образом: понять речь сначала так же хорошо, а затем лучше, чем ее инициатор.* Так как у нас нет непосредственного знания того, чем обладает инициатор речи, то мы должны попытаться осознать многое из того, что для него остается неосознанным, за исключением того случая, когда он, рефлектируя над самим собой, становится своим собственным читателем. С объективной стороны он также не имеет здесь других данных, чем мы. ... Поставленная таким образом задача истолкования является бесконечной, ибо то, что мы хотим понять в момент речи, является бесконечностью прошлого и будущего. Поэтому этот вид искусства так же способен вызывать вдохновение, как и любой другой. Если какое-либо сочинение не вызывает вдохновения, оно не имеет значения для понимания. <…>

Словарный запас и эпоха того или иного автора представляют собой целое, из которого должны быть поняты его сочинения как отдельное, из отдельного, в свою очередь, должно быть понято целое. <…>

В рамках какого-либо одного сочинения отдельное также может быть понято только исходя из целого. Поэтому более точному истолкованию должно предшествовать курсорное чтение для того, чтобы получить обзор целого.

Снова возникает круг; однако для этого предварительного понимания достаточно того знания отдельного, которое проистекает из общего знания языка. <…>

Задача состоит в том, чтобы найти руководящие идеи, в соответствии с которыми следует сообразовать все остальное, а также с технической стороны — найти главное направление, исходя из которого можно легче обнаружить отдельное. Необходимо доказать это как с технической, так и грамматической стороны, что легко сделать, исходя из различных видов непонимания. <…>

## *2. Мартин Хайдеггер*

*(26 сентября 1889, Месскирх, Великое герцогство Баден, Германская империя, — 26 мая 1976, Фрайбург-им-Брайсгау, Баден-Вюртемберг, ФРГ)*

### *Бытие и время (М., 1997)*

§ 1. Необходимость отчетливого возобновления вопроса о бытии.

Названный вопрос пришел сегодня в забвение, хотя наше время числит за собой как прогресс, что оно снова положительно относится к «метафизике». <…>

Мы хотим поэтому довести обсуждение предрассудков лишь до того, чтобы отсюда стала видна необходимость возобновления вопроса о смысле бытия. Их имеется три:

1. «Бытие» есть «наиболее общее» понятие… <…>

2. Понятие «бытие» неопределимо. Это выводили из его высшей всеобщности. <…>

3. Бытие есть само собой разумеющееся понятие. <…>

Разбор предрассудков, однако, сделал вместе с тем ясным, что не только ответа на вопрос о бытии недостает, но даже сам вопрос темен и ненаправлен. Возобновить бытийный вопрос

значит поэтому: удовлетворительно разработать сперва хотя бы постановку вопроса.

§ 2. Формальная структура вопроса о бытии.

Вопрос о смысле бытия должен быть поставлен. Если он фундаментальный вопрос, тем более главный, то нуждается в адекватной прозрачности. Потому надо кратко разобрать, что вообще принадлежит к любому вопросу, чтобы отсюда суметь увидеть бытийный вопрос как исключительный.

Всякое спрашивание есть искание. Всякое искание имеет заранее свою направленность от искомого. <…>

«Предпосылание» бытия имеет характер предшествующего принятия бытия во внимание, а именно так, что во внимании к нему предданное сущее предваряюще артикулируется в своем бытии. Это ведущее имение бытия в виду вырастает из средней бытийной понятливости, в которой мы всегда уже движемся и которая в конечном счете принадлежит к сущностному устройству самого присутствия. Такое «предполагание» не имеет ничего общего с постулированием первопринципа, из которого дедуктивно выводится последовательность тезисов. «Круг в доказательстве» при постановке вопроса о смысле бытия вообще невозможен, ибо при ответе на вопрос речь идет не о выводящем обосновании, но о выявляющем высвечивании основания.

Не «круг в доказательстве» лежит в вопросе о смысле бытия, но, пожалуй, странная «назад- или вперед-отнесенность» спрошенного (бытия) к спрашиванию как бытийному модусу сущего. Коренная задетость спрашивания его спрошенным принадлежит к самому своему смыслу бытийного вопроса. Но это значит лишь: сущее характера присутствия само имеет к вопросу о бытии некое ~ возможно даже исключительное отношение. <…>

§ 5. Онтологическая аналитика присутствия как высвобождение горизонта для интерпретации смысла бытия вообще. <…>

Анализ присутствия, однако, не только не полон, но прежде всего также предварителен. Он выставляет только лишь бытие этого сущего без интерпретации его смысла. Высвобождение горизонта для исходнейшего толкования бытия должно быть им скорее подготовлено. Едва он будет получен, подготовительная аналитика присутствия потребует своего возобновления на более высокой и собственной онтологической базе.

Смыслом бытия сущего, которое мы именуем присутствием, окажется временность. <…>

Присутствие есть таким способом, чтобы существуя понимать нечто подобное бытию. При удержании этой взаимосвязи должно быть показано, что то, из чего присутствие вообще неявно понимает и толкует нечто подобное бытию, есть время. Последнее как горизонт всякой понятности бытия и всякого толкования бытия должно быть выведено на свет и генуинно осмыслено. Чтобы дать это увидеть, потребна исходная экспликация времени как горизонта понятности бытия из временности как бытия понимающего бытие присутствия. <…>

Фундаментальная онтологическая задача интерпретации бытия как такового охватывает поэтому в себе разработку темпоральности бытия. В экспозиции проблематики темпоральности впервые дается конкретный ответ на вопрос о смысле бытия.

Поскольку бытие уловимо всегда лишь в виду времени, ответ на бытийный вопрос не может лежать в изолированном и замкнутом тезисе. <…>

§ 6. Задача деструкции истории онтологии.

… вопрос о смысле бытия не только не разрешен, не только удовлетворительно не поставлен но при всем интересе к «метафизике» предан забвению. <…>

…вопрос о бытии, отмечавшийся в плане его онтически-онтологической необходимости, сам характеризован через историчность. Разработка бытийного вопроса должна таким образом из собственнейшего бытийного смысла самого спрашивания как исторического расслышать указание проследить, спрашивая свою историю, т. е. стать историографичной, чтобы в позитивном усвоении прошлого ввести себя в полноту обладания наиболее своими возможностями спрашивания. <…>

Традиция выкорчевывает историчность присутствия с таким размахом, что оно движется уже только внутри интереса к многообразию возможных типов, направлений, точек зрения философствования в самых далеких и чуждых культурах и этим интересом пытается прикрыть свою беспочвенность. Следствием становится, что присутствие при всем историографическом интересе и всем рвении о филологически «объективной» интерпретации уже не понимает элементарнейших условий, только и делающих

возможным позитивное возвращение к прошедшему в смысле его продуктивного усвоения. <…>

Только в проведении деструкции онтологической традиции бытийный вопрос достигает своей истинной конкретизации. В ней он получает для себя полное доказательство обязательности вопроса о смысле бытия, демонстрируя так смысл речи о «возобновлении» этого вопроса. <…>

### *Что такое метафизика?*
### *(М. Хайдеггер Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993)*

<…> Наука не хочет ничего знать о Ничто. С той же очевидностью, однако, остается верным: когда она пытается высказать свою собственную суть, она обращается к помощи Ничто. Ей требуется то, что она отвергает… Ничто есть отрицание всей совокупности сущего, оно — абсолютно не-сущее… <…>

Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом. Другую возможность такого приоткрывания таит радость от близости человеческого присутствия — а не просто личности — любимого человека. Подобное настроение, когда «всё» становится каким-то особенным, дает нам — в свете этого настроения — ощутить себя посреди сущего в целом. Наше настроение не только приоткрывает нам, всякий раз по-своему, сущее в целом… <…>

Проседание сущего в целом наседает на нас при ужасе, подавляет нас. Не остается ничего для опоры. Остается и захлестывает нас — среди ускользания сущего — только это «ничего». Ужасом приоткрывается Ничто. <…> В светлой ночи ужасающего Ничто впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового: раскрывается, что оно есть сущее, а не Ничто… <…>

Только на основе изначальной явленности Ничто человеческое присутствие способно подойти к сущему и вникнуть в него. И поскольку наше присутствие по самой своей сути состоит в отношении к сущему, каким оно и не является и каким оно само является, в качестве такого присутствия оно всегда происходит

из заранее уже приоткрывшегося Ничто. Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто. Выдвинутое в Ничто, наше присутствие в любой момент всегда заранее уже выступило за пределы сущего в целом. Это выступание за пределы сущего мы называем трансценденцией. <…> Без исходной открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы. <…>

Ужас — с нами. Он только спит. Его сквозное дыхание веет в нашем бытии — меньше всего в склонном «ужасаться»; неприметно — в деловитом с его «да-да», «нет-нет»; раньше всего в затаенном; уверенней всего в потрясенном и дерзновенном человеческом бытии. А последнее осуществляется только через то, на что себя растрачивает, чтобы сохранить таким образом свое последнее величие. <…>

… философия приходит в движение только благодаря своеобразному скачку, в котором наша собственная экзистенция посвящается сущностным возможностям человеческого бытия в целом. Для скачка решающим является: во-первых, предоставление пространства для сущего в целом; потом — свободное отпускание себя в Ничто, т. е. избавление от божков, которые у каждого есть и у которых каждый имеет обыкновение прятаться; наконец допущение размаха этой безопорности, чтобы в своих взлетах она постоянно возвращалась к основному вопросу метафизики, самим Ничто вынужденному: почему вообще есть сущее, а не, наоборот, Ничто?

## *Время картины мира*

[Новое время рождает новую картину мира] … К сути картины относится составность, система. Под этим подразумевается, однако, не искусственная, внешняя классификация и соположение данности, а развертывающееся из проекта опредмечивания сущего структурное единство представленного как такового… Где мир становится системой, система приходит к господству, притом не только в мышлении. Но где руководит система, там всегда есть возможность ее вырождения в пустой формализм искусственно сколоченной лоскутной системности…. Только там, где сущее стало предметом пред-ставления, сущее известным образом лишается бытия… <…>

… представлять здесь значит: самостоятельно ставить нечто перед собой и удостоверять пред-ставление как таковое… Представление — уже не раскрытие себя вещам, а схватывание и постижение. Не власть присутствующего, а господство хватки. <…>

… человек учреждает сам себя законодателем всех мер, которыми отмеряется и измеряется (вычисляется), что имеет право считаться достоверным, т. е. истинным и стало быть существующим. <…>

## *Письмо о гуманизме*

… мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты — хранители этого жилища. Их стража — осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке. <…>

Философия гонима страхом потерять престиж и уважение, если она не будет наукой. Это считается пороком, приравниваемым к ненаучности. Бытие как стихия мысли приносится в жертву технической интерпретации мышления. <…> Люди подходят к мысли с негодной для нее меркой. Мерить ею — все равно что пытаться понять природу и способности рыбы судя по тому, сколько времени она в состоянии прожить на суше. Давно уже, слишком давно мысль сидит на сухой отмели. <…>

Строгость мысли в ее отличии от наук заключается не просто в искусственной, т. е. технико-теоретической, точности ее понятий. Она заключается в том, чтобы слово не покидало чистой стихии бытия и давало простор простоте его разнообразных измерений. <…>

Мысль приходит к концу, когда уклоняется от своей стихии. Ее стихия то, благодаря чему мысль может быть мыслью. Ее стихия — это в собственном смысле могущее: сама возможность… Мысль, если сказать просто, есть мышление бытия. У родительного падежа здесь двойной смысл. Мысль есть мышление бытия, поскольку, сбываясь благодаря бытию, она принадлежит бытию. Она мышление бытия одновременно и потому, что, послушная бытию, прислушивается к нему. Мысль есть то, что она есть в согласии со своей сутью, в качестве слышаще-послушной бытию. <…>

«Возможность», таящаяся в расположении бытия, есть то, «в силу» чего вещь, собственно, только и способна быть. Эта способность есть в собственном смысле «возможное» — то, суть чего покоится в расположении могущего. Своим расположением бытие располагает к мысли. Оно делает ее возможной. Бытие как могуще-расположенное есть сама «воз-можность». Бытие как стихия есть «тихая сила» могущей расположенности, т. е. Возможного.

## *3. Ханс-Георг Гадамер*

*(11 февраля 1900 г., Марбург, — 13 марта 2002 г., Гейдельберг)*

### *Истина и метод (М., 1988)*

<…> Логическое самоосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в XIX веке их фактическое формирование, полностью находится во власти образца естественных наук. <…>

Однако при этом выступает, собственно, та проблема, которую ставят перед мышлением гуманитарные науки: их суть не может быть верно понята, если измерять их по масштабу прогрессирующего познания закономерностей. Познание социально-исторического мира не может подняться до уровня науки путем применения индуктивных методов естественных наук. <…>

… данность в области гуманитарных наук — особого рода, что и попытался сформулировать Дильтей в понятии «переживание». Присоединяясь к картезианскому определению «мыслящей вещи» (res cogitans), он определяет понятие переживания через рефлексию, через внутреннее бытие, и пытается теоретико-познавательно оправдать, исходя из этого особого типа данности, познание исторического мира. Первичные данности, к которым восходит интерпретация исторических объектов, — это не данные эксперимента и измерения, а единицы значения. <…>

… в понятии переживания выражается и некоторое противопоставление жизни понятию. Переживание — это подчеркнутая непосредственность, лишающая значения всякое суждение. Все пережитое пережито самостоятельно, оно принадлежит единству, составляющему индивид, и вместе с тем содержит в себе самом

ни с чем не смешивающееся и невосполнимое указание на жизнь этого индивида, взятую как целое. <…>

Если рассмотреть точное определение того, что здесь называется жизнью и что из этого существенно для понятия переживания, то оказывается, что соотношение жизни и переживания не таково, как соотношение общего и особенного. Определяемое через свое интенциональное содержание единство переживания скорее непосредственно соотносится с целым, с тотальностью жизни. <…>

Любое переживание выдвигается из жизненного континуума и одновременно связывается со всей целокупностью собственной жизни. За пределы своего «значения» оно выходит не только потому, что, будучи переживанием, живет до тех пор, пока не будет полностью переработано и «снято» в общих связях собственного жизненного сознания, но и по самому способу этой переработки. При этом имеется в виду то значение, которое признается за переживанием самим его субъектом, и до тех пор, пока он сам пребывает внутри целого своей жизни, целое остается в нем и для него современностью.

<…> Современное понятие символа вовсе нельзя понять без этой его гностической функции и метафизической подосновы. Само слово «символ» смогло подняться от своего первоначального применения в значении «документ», «опознавательный знак», «удостоверение» до уровня философского понятия таинственного знака, попав тем самым в близкое соседство с иероглифом, разгадка которого доступна только посвященным лишь потому, что символ — это не просто любое знаковое обозначение или значащее замещение; он предполагает метафизическую связь видимого и невидимого. Неразрывность видимого облика и невидимого значения, эта «точка пересечения» двух сфер лежит в основе всех форм религиозных культов. Столь же близко лежит и применение символа в сфере эстетического.

[Гете пишет:] «Все, что происходит, есть символ, и при том, что он полностью изображает себя самого, указывает он на остальное». <…>

Символ не соединяет автоматически мир идей с чувственным миром; он позволяет задуматься о несоответствии формы и сущности, выражения и содержания. В особенности существенна зависимость от возникающего напряжения религиозной функции

символа. То, что на основе этого напряжения возможно моментальное и тотальное пересечение в рамках культа явления и бесконечного, предполагает, что существует внутренняя соединенность конечного и бесконечного, наполняющая символ значением. Религиозная форма символа тем самым точно соответствует первоначальному греческому определению этого слова — быть разделением единого и единением двойственности.

Несоизмеримость формы и сущности существенна для символа в той мере, в какой его значение способно выходить за пределы его чувственной постигаемости. В этой несоизмеримости коренится тот характер неустойчивости и неуравновешенности между формой и сущностью, который свойственен символу; очевидно, несоизмеримость тем сильнее, чем темнее и значительнее символ, и тем ограниченнее, чем сильнее значение пронизывает форму…

<…> «Действительность» всегда предстает на горизонте будущего, где находятся желанные и страшащие, но в любом случае еще не определившиеся возможности. Поэтому они постоянно таковы, что будят взаимоисключающие друг друга ожидания, не все из которых могут исполниться. Неопределенность будущего позволяет существовать такому избытку ожиданий, что действительность вынужденно прячется за ними. Если в особом случае смысловые взаимосвязи действительности осуществляются таким образом, что определенные возможности реализуются, а линии, ведущие в пустоту, выпадают, то такая действительность сама походит на спектакль. Точно так же тот, кто способен увидеть всю действительность как замкнутый смысловой круг, в котором выполняется все, будет говорить о комедиях и трагедиях самой жизни. В тех случаях, когда действительность понимается как игра, на первый план выступает действительность игры, которую мы обозначаем как игру искусства. Бытие всяческой игры — это всегда искупление, чистое выполнение, «энергейя», цель которой заключена в ней самой. Мир произведения искусства, в котором игра, таким образом, полностью выражается в единстве своего процесса, на деле представляет целиком и полностью преображенный мир, но отношению к которому всякий может узнать, «как на самом деле».

Следовательно, понятие преобразования призвано характеризовать самостоятельный и превосходящий тип бытия того, что

мы называли структурой. Исходя из этого понятия, так называемая действительность определяется как непреображенное, а искусство — как снятие этой действительности в ее истине. <…>

То, что мы назвали структурой, остается таковой в той мере, в какой изображается в виде смыслового целого, которое не существует само по себе, встречаясь при этом в случайном для него опосредовании, но обретает именно в опосредовании свойственное ему бытие.

Различия, возникающие при постановке или исполнении подобной структуры и возводимые к концепции интерпретаторов, не замыкаются в субъективности их суждений, а присущи им органически. <…>

Интерпретация может в определенном смысле считаться посттворчеством, которое, однако, не следует процессуально за актом творчества, но относится к облику сотворенного произведения и имеет целью воплотить его с индивидуальным осмыслением. Историзованное исполнение, например музыки на старинных инструментах, тем самым не столь адекватно, как полагают; скорее оно подвергается опасности, будучи подражанием подражания, по словам Платона, трижды отстоять от истины.

Идея единственно правильного исполнения, как кажется, содержит в себе нечто абсурдное, если учесть конечность нашего исторического бытия.

… По самой своей идее опосредование тотально. Тотальное опосредование означает, что опосредуемое само себя как таковое снимает. Таким образом, исполнение (в случае спектакля и музыки, а также и при публичном чтении лирических или эпических произведений) само по себе вовсе не является темой, но в нем и благодаря ему осуществляется представление произведения. <…>

Отграничение символа от знака, приближающее его к изображению, кажется очевидным. Функция представления символа — это не простое указание на то, чего сейчас нет в ситуации; скорее символ позволяет выявиться наличию того, что в основе своей наличествует постоянно. Это показывает уже изначальный смысл слова «символ». Когда символом называли опознавательный знак разделенных друзей-сотрапезников или рассеянных членов религиозной общины, удостоверяющий принадлежность к ним, то такой символ, разумеется, обладал знаковой функцией.

Но тем не менее он — нечто большее, нежели знак. Он не только указывает на принадлежность, но выявляет ее и представляет воочию. Гостевая табличка (tessura hospitalis — знак принадлежности к содружеству сотрапезников, действительный и для их потомков) — это след некогда прожитого, и ее бытие свидетельствует о том, на что она указывает, то есть заставляет явиться и быть действенным само прошлое. В полном объеме это применимо и к религиозным символам: они не только функционируют как знаки, но смыслом их является то, что они всеми понимаются, всех соединяют и уже только благодаря этому могут принимать и знаковую функцию. Следовательно, то, что символизируется, нуждается в представлении, поскольку оно само внечувственно, бесконечно, непредставимо, но способно быть представленным. Только благодаря собственному наличию оно может наличествовать в символе.

Итак, символ не только указывает, но и представляет, выступая заместителем. Но замещать означает осуществлять наличие того, что отсутствует. Так, символ замещает, репрезентируя, что означает, что он непосредственно позволяет чему-то быть в наличии. Только потому, что символ таким образом представляет наличие того, что им замещается, ему самому воздаются почести, подобающие символизируемому им. Такие символы, как религиозные, знамя, мундир, в такой сильной степени замещают чествуемое, что оно просто в них присутствует.

Тот факт, что отсюда и происходит понятие репрезентации, которое мы употребляли выше для характеристики изображения, демонстрируется вещественной близостью между представлением в изображении и представительной функцией символа. <…>

Классическая дисциплина, занимающаяся искусством понимания текстов, — это герменевтика. Если наши рассуждения правильны, то собственная проблема герменевтики, однако, вырисовывается вовсе не так, как это о ней известно… *Эстетика должна входить в герменевтику.*

<…> Шлейермахер выдвигает тезис, что писателя нужно *понять лучше, чем он сам себя понимал.* С той поры данная формула повторяется вновь и вновь, и в изменениях ее интерпретации прорисовывается вся история новейшей герменевтики. Действительно, в этом тезисе заключена подлинная проблема герменев-

тики… Ясно, что хочет сказать данной формулой Шлейермахер. Он рассматривает акт понимания как реконструктивное осуществление творческого процесса, благодаря которому должно осознаться кое-что из того, что не могло быть осознано творцом. Очевидно, что с помощью этой формулы Шлейермахер переносит в свою общую герменевтику эстетическую концепцию гения. Творчество гениального художника — вот та модель, к которой отсылает учение о бессознательном созидании и необходимой осознанности в его воспроизведении. <…>

Мыслить исторически — значит теперь признавать за каждой эпохой ее собственное право на существование, даже ее собственное совершенство.

… структура исторической взаимосвязи тем не менее является телеологической. Ее мерило — успех. Мы видели, что значение предшествовавшего определяется только последующим.

<…> Да, никакое предварительное мнение о смысле истории не должно вносить предвзятость в ее исследование. И все-таки самоочевидной предпосылкой исследования истории является то, что она образует единство.

<…> Гуссерлевская критика объективизма предшествующей философии явилась методологическим продолжением тенденций Нового времени и понимала себя в качестве такового. Притязание Хайдеггера, напротив, с самого начала было притязанием телеологии с обратным знаком. В своем начинании он видел не столько воплощение давно подготавливаемой и закладываемой тенденции, сколько, наоборот, возврат к первоистокам западной философии и восстановление забытого древнегреческого спора о «бытии».

<…> Онтологическая беспочвенность трансцендентальной субъективности, в которой Хайдеггер упрекал гуссерлевскую феноменологию, была как раз тем, что, по его представлению, можно преодолеть путем возрождения вопроса о бытии. Что такое бытие — должно определиться в горизонте времени. Структура темпоральности, таким образом, казалась онтологическим определением субъективности. Но не только этим. Тезис Хайдеггера гласил: бытие само есть время. Тем самым был взорван весь субъективизм новейшей философии, и даже, как вскоре должно было обнаружиться, совокупный проблемный горизонт метафизики, завороженной бытием как наличием. Не конечное основа-

ние трансцендентальной постановки вопроса составляет положение о том, что существование ставит вопрос о своем бытии, что от всего другого сущего существование отличается пониманием бытия. Напротив, речь идет о совершенно ином основании, которое впервые делает возможным всякое понимание бытия, и оно состоит в том, что вообще есть «наличие», просвет в бытии, то есть различие между сущим и бытием.

<…> Когда он [Хайдеггер] поставил вопрос о бытии одновременно и как вопрос о «ничто», он связал между собой начало и конец метафизики. То, что вопрос о бытии, можно сказать, исходя из вопроса о «ничто», предполагал мышление о «ничто», перед которым метафизика оказалась несостоятельной.

<…> Своим основоположением герменевтики «фактичности» он идет дальше как понятия духа, развитого классическим идеализмом, так и тематического поля, очищенного феноменологической редукцией трансцендентального сознания.

<…> Понимание — это изначальная бытийная характеристика самой человеческой жизни.

<…> Хайдеггер открыл проективный характер всякого понимания и мыслил само понимание как движение трансцендирования, возвышения над сущим.

*… предрассудки (Vorurteile) отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения (Urteile), составляют историческую действительность его бытия.*

… временное отстояние, и только оно, позволяет решить собственно критический вопрос герменевтики: как отделить *истинные* предрассудки, благодаря которым мы *понимаем,* от *ложных, в* силу которых мы понимаем *превратно.* Поэтому герменевтически воспитанное сознание включает в себя сознание историческое. <…>

Понимание начинается с того, что нечто к нам обращается. Таково первейшее герменевтическое условие. Мы знаем теперь, что для этого требуется: принципиальное воздержание от собственных пред-суждений. Однако всякое воздержание от суждений — а, следовательно, и в первую очередь, от пред-суждений — имеет, с логической точки зрения, структуру *вопроса.*

Сущность *вопроса* заключается в открытии возможностей и в том, чтобы они оставались открытыми. <…>

## 4. Поль Рикёр

*(27 февраля 1913 г. Валенсия, Испания, — 20 мая 2005 г. Chatenay Malabry, Франция)*

### *Задача герменевтики*

Как мне представляется, недавняя история герменевтики сводится к двум направлениям. Первое из этих направлений стремится все более расширять цели герменевтического исследования, таким образом, что все виды *региональных* герменевтик сводятся к одной *универсальной* герменевтике. Однако это движение в сторону де-регионализации не может быть проведено до конца до тех пор, пока собственно эпистемологические задачи герменевтик — их попытки возвыситься до статуса наук — не окажутся в то же время подчиненными онтологическим задачам, в результате чего *понимание* перестает быть всего лишь *способом познания*, но приобретает статус *способа существования*, а также способа установления связи сущностей и бытия. Движение в направлении де-регионализации, таким образом, оказывается одновременно и движением *радикализации*, в результате которого герменевтика становится не только универсальной, но и фундаментальной. <…>

Настоящее движение де-регионализации началось с попытки выделить общую проблему в деятельности по интерпретации, которая производится каждый раз с разными текстами. Умение различать эту центральную и единую проблематику — это достижение *Шлейермахера*. До него была, с одной стороны, филология классических текстов, преимущественно, древнегреческих и латинских, и, с другой стороны, толкование священный текстов Ветхого и Нового Заветов. <…>

…герменевтическая программа Шлейермахера оказалась *романтической* благодаря присущему ей живому интересу к процессу творения, *критической* из-за ее надежды разработать универсально значимые правила понимания. Возможно, герменевтика навсегда отмечена этим двойным происхождением — романтическим и критическим, критическим и романтическим. Предложение бороться против непонимания, звучащее в поговорке «Там герменевтика, где непонимание», критическое; стремление

же «понять автора так же хорошо и даже лучше, чем он сам себя понимает» — романтическое… Проблема, над которой он бился, — это вопрос об отношении между двумя формами интерпретации: «грамматической» и «технической». … Грамматическая интерпретация основывается на конкретных характеристиках дискурса, общепринятых для данной культуры; техническая интерпретация обращается к единичности, даже гениальности послания писателя. Однако хотя эти две интерпретации имеют одинаковый статус, они не могут быть осуществлены одновременно. Шлейермахер проясняет это следующим образом: рассматривать общий язык — значит забыть писателя; тогда как понять отдельного автора — значит забыть его язык, отвлечься от его конкретики. Либо мы воспринимаем общее, либо особенное. <…>

В ответ на вызов позитивизма Дильтей решил обеспечить гуманитарные науки методологией и эпистемологией, столь же представительной, как и у естественных наук. <…>

На основе этих двух великих культурных фактов Дильтей ставит свой основной вопрос: как возможно историческое знание и, в более общей форме, как возможны гуманитарные науки? Этот вопрос приводит нас к оппозиции, которая проходит через все произведения Дильтея: оппозиции *объяснением* природы и *пониманием* истории. Оппозиция эта чревата последствиями для герменевтики, которая в результате оказывается оторванной от естественнонаучного объяснения и отброшенной назад, в сферу психологической интуиции. <…>

Не следует думать, будто Хайдеггер или Гадамер всего лишь улучшили ту методологию, которая возникла в результате практики экзегесиса сакральных и профанных текстов, дополнив ее методами филологии, психологии, теории истории или теории культуры. Напротив, ими поставлен новый вопрос. Вместо того чтобы спрашивать, «как мы познаем», следует задаться вопросом о том, «каков модус существования того бытия, которое существует только в мышлении?».

… Хотя в «Бытии и времени», даже более чем в своих поздних работах, Хайдеггер настаивает на Dasein — *бытии там, где мы есть*, — этот Dasein не есть субъект, который встречает объект, но скорее бытие внутри бытия. Dasein обозначает место, где появляется вопрос о бытии, место манифестации центрального положе-

ния Dasein — это всего лишь центральность бытия, которое понимает другое бытие. Эта часть его структуры в качестве бытия принимает на себя онтологическое *предпонимание* бытия. <…>

[М. Хайдеггер утверждает:] «Герменевтика не рефлексия по поводу гуманитарных наук, но экспликация того онтологического основания, на котором эти науки могут быть выстроены». Вот утверждение, которое имеет для нас решающее значение: герменевтика, так сконструированная, «содержит корни, того, что может быть названо "герменевтическим" только в производном смысле, а именно, методологию гуманитарных наук» (SZ 38).

Первый переворот, который вызвала работа «Бытие и время», повлек за собой второй. Дильтей связывал вопрос о понимании с проблемой другого; как получить доступ к разуму другого — такова была главная проблема, преобладавшая во всех гуманитарных науках от психологии до истории. Однако примечательно, что в работе «Бытие и время» вопрос о понимании полностью отделен от проблемы взаимодействия с другими. На самом деле, в ней есть глава, озаглавленная «Mitsen» — *со-бытие*, но вопрос о понимании ставится не в ней, как можно было бы ожидать с дильтеевских позиций. Основание онтологической проблемы ищется в отношении бытия с миром, а не во взаимодействии с другим. … Поэтому неудивительно, что онтология понимания может начинаться скорее с осмысления *бытия-в*, чем *со-бытия*, не *со-бытия* с другим, который удваивал бы нашу субъективность, но *бытия в мире*. Такая перемена философской позиции настолько же важна, как и переход от проблемы метода к проблемам бытия. Вопрос о мире занял место вопроса о другом. Связав понимание с миром, Хайдеггер депсихологизировал его. <…>

Если «Бытие и время» подробно изучает некоторые чувства, такие как страх и боль, то не для того, чтобы «делать экзистенциализм», а скорее для того, чтобы посредством этих откровенных опытов раскрыть связь с действительностью, более фундаментальную, чем субъект-объектные отношения. <…>

[По Хайдеггеру акты понимания] по существу являются *проекцией* или, если выражаться более диалектически и парадоксально, *проекцией* в исходную *заброшенность бытия*. Экзистенциалистский тон этой фразы вводит в заблуждение. Хайдеггера от Сартра отделяет один маленький нюанс: *уже*. «Проект

ничего не может сделать с планом поведения, который Dasein откроет и в соответствии с которым он может построить собственное бытие; но постольку, поскольку это Dasein, он *уже* спроектировал самого себя и остается в проекте столько, сколько существует» (SZ 45). <…>

Как неоднократно отмечалось, в гуманитарных науках субъект и объект взаимно обусловлены. Субъект вступает в знание объекта, и наоборот, первый детерминирован, в своей субъективной природе, тем влиянием, которое объект оказывает на него еще до того момента, когда субъект начинает познавать объект. В результате, будучи сформулированным в терминах субъекта и объекта, герменевтический круг выглядит как порочный круг. Функция фундаментальной онтологии состоит в том, чтобы раскрыть структуру, которая выглядит как круг в методологическом плане. Именно эту структуру Хайдеггер называет *пред-пониманием*.

[В более поздней философии М. Хайдеггер меняет акцент.] Понимать означает слышать. Другими словами, мое первичное отношение к речи не в том, что я произношу ее, но в том, что я ее получаю: «Слушание — это конструирующая часть речи» (SZ, 163). Приоритет слушания означает фундаментальное свойство речи в ее открытости миру и другому. Методологические последствия этого положения значительны: лингвистика, семиология и философия языка неразрывно привязываются к уровню речи и не достигают уровня высказывания. В этом смысле фундаментальная философия повышает качество лингвистики не больше, чем экзегетики. В то время как речь относиться к человеку, который говорит, высказывание относится к вещам, о которых сказано. <…>

Философия, которая прерывает диалог с науками, не обращена более ни к чему, кроме самой себя. Кроме того, только на пути возвращения мы сможем заново обосновать тот факт, что вопрос о толковании и в целом вопрос о критике является всего лишь *производным*. <…>

Эта *апория* становится центральной проблемой герменевтической философии в книге Гадамера «Истина и метод». Этот гейдельбергский философ размышлял о гуманитарных науках в понятиях онтологии Хайдеггера — точнее, использовал концепты его обновленной онтологии поздних работ по философской поэтике. <…>

Мы обязаны Гадамеру за очень плодотворную идею о том, что коммуникация между двумя удаленными одно от другого, находящимися в разных ситуациях сознаниями, предполагает сдвиг их горизонтов, а именно пересечение взглядов на удаленном и открытом. Еще раз: изначально предполагается первичный элемент дистанциации, состоящий из ближнего, дальнего и открытого. Эта концепция подчеркивает, что мы не живем ни с закрытыми горизонтами, ни с одним единственным горизонтом. Поскольку сдвиг горизонтов исключает мысль всеобщего и уникального знания, эта концепция имплицитно полагает напряжение между тем, что свое и что чужое, между ближним и дальним, и теперь игра различий встроена в процесс конвергенции.

Наконец, наиболее точное указание на не столь негативную интерпретацию отчуждающего отдаления находим в философии языка. Это кульминация работы Гадамера. Универсальная *языковость* (linguality) (это слово позволяет наиболее адекватно перевести гадамеровский термин Sprachlichkeit) человеческого опыта означает, что моя принадлежность к традиции или традициям проявляется в интерпретации знаков, произведений (works) и текстов, описывающих культурное наследие и предлагающих себя для расшифровывания. В целом размышления Гадамера о языке, конечно, направлены против редукции мира знаков до инструментов, которыми мы можем манипулировать, как хотим. Вся третья часть «Истины и метода» — это вдохновенная апология *диалогу, который суть мы (dialogue which we are)*, и первичному пониманию, которое создает для нас основу. Но языковой опыт выполняет свою функцию посредника лишь потому, что промежуточные звенья исчезают перед лицом вещей, которые есть, как они есть, именно диалог. <…>

## *П. Рикер Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике (М., 2002)*

Целью данного анализа является изучение путей, открывшихся перед современной философией в результате того, что можно было бы назвать *прививкой герменевтической проблематики к феноменологическому методу.* <…>

В феноменологии существует два способа обоснования герменевтики.

Есть короткий путь, с которого я начну, и путь длинный, который я попытаюсь пройти до конца. Короткий путь — это путь *онтологии понимания,* аналогичный пути, избранному Хайдеггером. Такую онтологию понимания я называю «коротким путем» потому, что она, отказываясь от рассуждений о *методе,* сразу переносит себя в план онтологии конечного сущего, чтобы обнаружить здесь понимание уже не как способ познания, а как способ бытия. <…>

Я начинаю свое исследование, воздавая должное философии Хайдеггера, потому что не считаю ее противоречащей моей позиции; иными словами, его Аналитика *Dasein* не является альтернативной, вынуждающей нас выбирать между онтологией понимания и эпистемологией интерпретации. Предложенный мною длинный путь также ставит своей задачей вывести рефлексию на уровень онтологии, но решаться она будет постепенно, с последовательным учетом требований семантики (§ 3), а потом и рефлексии (§ 4). Сомнение, выраженное мной в конце этого параграфа, относится только к возможности создать непосредственную онтологию, свободную от любого методологического требования, а следовательно, и от проблем интерпретации, теорию которой она сама же и создает. <…>

Надо решительно выйти из заколдованного круга субъект-объектной проблематики и задаться вопросом о бытии. Но чтобы задаться вопросом о бытии вообще, надо сначала поставить вопрос о «здесь-бытии» всякого сущего, о *Dasein,* то есть о том сущем, которое существует, понимая бытие. В таком случае понимание является уже не способом познания, но способом бытия, бытия такого сущего, которое существует, понимая. <…>

Если историк может соизмерять себя с объектом, уравнивать себя с познанным, то это потому, что он и его объект оба являются историческими. Уяснение этой историчности предшествует всякой методологии. То, что как предел стояло перед наукой: признание историчности бытия, — превращается в конституирование бытия; то, что было парадоксом: принадлежность интерпретатора своему объекту, — становится онтологической чертой.

Такова революция, приведшая к онтологии понимания; понимание становится аспектом «проекта» *Dasein* и его «открытости бытию». Вопрос об истине не является более вопросом о ме-

тоде, это — вопрос о явленности бытия для сущего, чье существование заключается в понимании бытия. <…>

… я придаю слову «символ» более узкий смысл, чем те авторы, которые, как Кассирер, называют символическим всякое постижение реальности с помощью знаков — от восприятия, мифа, искусства до науки, но вместе с тем и смысл более широкий, чем те, которые, исходя из латинской риторики или неоплатонической традиции, сводят символ к аналогии. *Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл — прямой, первичный, буквальный — означает одновременно и другой смысл — косвенный, вторичный, иносказательный, — который может быть понят лишь через первый.* Этот круг выражений с двойным смыслом и образует собственно герменевтическое поле.

В связи с этим понятие интерпретации получает вполне определенное значение; я предлагаю придать ему такое же широкое толкование, что и символу; *интерпретация,* скажем мы, *это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении;* я сохраняю, таким образом, начальную ссылку на экзегезу, то есть на интерпретацию скрытых смыслов. Так символ и интерпретация становятся соотносительными понятиями: интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов. <…>

Лингвистический же анализ, трактующий значения как замкнутое в себе целое, неизбежно возводит язык в абсолют. Такое гипостазирование языка отрицает фундаментальную интенцию знака — быть пригодным для.., то есть, растворяясь в том, что он имеет в виду, выходить за свои пределы. Сам язык как означивающая среда требует соотнесения с существованием. <…>

Обоснование герменевтики может быть радикальным лишь в том случае, если искать в самой природе рефлексивного мышления принцип логики двойного смысла. Однако тогда логика эта является уже не формальной, а трансцендентальной; она вырабатывается на уровне возможного: речь идет не об условиях объективности природы, а об условиях присвоения нашего желания быть; именно в этом смысле свойственная герменевтике логика двойного смысла может быть названа трансцендентальной.

# IV. Отдельные принципы и категории

## *1. Бытие и сущее*

▒ В какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине. *Аристотель. «Метафизика», кн.2.*

▒ Бытие — это ближайшее. Однако ближайшее остается для человека самым далеким. Человек всегда заранее уже держится прежде всего за сущее и только за него. *М. Хайдеггер. Письмо о гуманизме.*

▒ ... устранение всех расстояний не приносит с собой никакой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. *М. Хайдеггер. Вещь.*

▒ … раскрытие и сокрытие — основная черта бытия. *М. Хайдеггер. Парменид.*

▒ … становится ясно, что мы никогда не можем мыслить порознь «истинное» и «ложное», «истину и ложность» и тем более обособленно мыслить истину как «несокрытость», ибо в самом ее наименовании как «несокрытости» [Αλήθεια — алетейя] уже обнаруживается связь с «сокрытостью». *М. Хайдеггер. Парменид.*

▒ … Сущностное содержание — это… тайна, потому что его невозможно сообщить прямо… [Тайна] является сущностной формой истины… И потому если кто-либо хочет сообщить ее прямо, то он просто глуп, и если кто-то намерен требовать от него подобного, то он также глуп…

… «Как» истины именно и есть истина. *С. Кьеркегор.*

▒ Характерно, что латинское слово fundus — фундамент, основание — восходит к индоевропейскому корню *budh- (*bheudh-) — бездна. *В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике*.

▒ Опыт бытия как ДРУГОГО по отношению ко всему сущему мы получаем в экзистенциальном страхе, если, конечно, из страха перед экзистенциальным страхом, то есть из жалкой трусости, не закрываем уши беззвучному голосу из ужасающих

бездн... Готовность к экзистенциальному страху — это твердое намерение исполнить высочайшее требование, касающееся самой сути человека. Из всего сущего только человек, слыша зов бытия, переживает чудо из чудес: что сущее ЕСТЬ. <…>

Подлинное мужество перед сущностным страхом раскрывает самую таинственную возможность: опыт бытия. Рядом с сущностным страхом как ужасом перед бездной обитают неуверенность, робость, тревога. Они помогают тайно оставаться при сути вещей. *М. Хайдеггер. Послесловие к «Что такое метафизика?»*

## *2. Dasein*

▒ Dasein есть сущее, для которого в его бытии речь идет о самом этом бытии.

Это сущее в своем собственнейшем бытии имеет характер незамкнутости. *М. Хайдеггер. Бытие и время.*

▒ В философии принято считать, что трансцендентное — это предметы, вещи. Однако изначально трансцендентное, т. е. то, что трансцендирует, — это не вещи в отношении к вот-бытию: трансцендентное в строгом смысле — это само вот-бытие. *М. Хайдеггер. Основные проблемы феноменологии.*

▒ Чтобы как отношение бытия к существу человека, так и сущностное отношение человека к открытости («Вот») бытия как такового схватить одновременно в о-д-н-о-м слове, для сущностной области, в которой стоит человек как человек, было избрано имя «присутствие» (Dasein)…

Сущность присутствия заключена в его экзистенции. <…>

Из правильно понятой «экзистенции» поддается осмыслению «сущность» присутствия, в чьей открытости само бытие дает о себе знать и таится, дарит себя и ускользает, без того чтобы эта истина бытия исчерпывалась в присутствии или тем более составляла с ним одно в смысле метафизического тезиса: всякая субъективность есть в качестве таковой субъективность.

Что означает «экзистенция» в «Б. и В.»? Этим словом именуется вид бытия, а именно бытие того сущего, которое стоит открытым для открытости бытия, где это сущее стоит, умея в ней устоять. *М. Хайдеггер. Введение к «Что такое метафизика?»*

▒ Бытие как присутствие… мы начинаем ощущать никоим образом не только и не прежде всего тогда, когда вдумываемся в раннее, достигнутое греками развертывание непотаенности бытия. Мы ощущаем присутствие при всяком простом, достаточно свободном от предрассудков осмыслении сущего в его данности и подручной близости. Подручность, равно как наличная данность, — способы присутствия. Всего убедительнее дает о себе знать широта размаха присутствия тогда, когда мы замечаем, что и отсутствие тоже и именно отсутствие остается обусловлено присутствием, временами взвинченным до жути. *М. Хайдеггер. Время и бытие*.

▒ Абсолютная тайна, тайна как таковая пронизывает все присутствие человека... Он тем более ошибается, чем безусловнее принимает себя за меру всех вещей. *М. Хайдеггер. О существе истины.*

▒ Реальное трансцендирование непосредственного самобытия, подлинная его связь и слияние с превосходящей его реальностью, подлинное обретение устойчивой почвы для своего бытия и, тем самым, реальное преодоление его субъективности совершается лишь там, где непосредственное самобытие встречает и обретает вне себя самого, за своими пределами, реальность, в каком-то смысле сродную по существу ему самому, с которой поэтому оно может как-то слиться или на которую оно может прочно опереться своим внутренним существом. *С. Франк. Непостижимое.*

## *3. Понимание и объяснение*

▒ Философия — принимающее понимание не в смысле усвоения мира, а в смысле допущения ему быть как он есть. Мир, как он есть, непонятен. Философия — принимающее понимание того, что миру нужно краями уходить в тайну. В том, чтобы сказать ему: «Не понимаю», — нет отхода от понимания. *В. В. Бибихин. Язык философии.*

▒ Поскольку в философском познании всякий раз все сдвигается одновременно (человеческое бытие в его существовании в истине, сама эта истина и тем самым отношение к бытию), и таким образом непосредственное представление чего-то наличествующего становится невозможным, постольку мышление фи-

лософии остается странным (befremdlich). *М. Хайдеггер. Вклады в философию. От события.*

▒ Чем больше мы вбираем информации, тем яснее ощущается ее неисправимая нехватка. Полнота дана только вещам, о которых в принципе не может быть информации. *В. Бибихин. Язык философии.*

▒ Целое устроено не как предметы: те «бросаются в глаза», тогда как целое не дано нам вне нашего усилия его осмыслить. Это значит, что не мы его схватываем при желании, а оно сперва должно захватить нас. *В. В. Бибихин. Комментарий к работе: М. Хайдеггер. Основные понятия метафизики.*

▒ Единственность события идет от его высоты. Захваченность уникальным подарком сковывает человека освободительной необходимостью.

… Высокое не захватишь. Оно захватывает само. *В. В. Бибихин. Слово и событие.*

▒ Мышление бытия не является никаким «учением» и никакой «системой», а должно стать собственной историей и тем самым потаеннейшим... Путь, который идет сам. *М. Хайдеггер. Вклады в философию. От события.*

▒ Никакое сказывание не может возникнуть без одновременного возникновения возможности слышать. То и другое имеют тот же самый источник. Таким образом, действительно лишь одно — говорить самым благородным, развитым языком в его простоте и сущностной силе, языком сущего как языком бытия. *М. Хайдеггер. Вклады в философию. От события*.

▒ Мышление есть внимание сущностному… То, что обычно называют знанием, есть не что иное, как осведомленность в каком-либо деле и его обстоятельствах. Благодаря таким сведениям мы «овладеваем» вещами.

… Что касается существенного знания, чуткого внимания бытию, то оно напротив, есть *отступление* перед ним. Совершая такое отступление, мы видим и улавливаем существенно больше, а точнее говоря — совершенно иное в сравнении с тем, что откро-

ется нам в примечательном наступлении новоевропейской науки, которое всегда есть не что иное, как технически оснащенная атака на сущее и вторжение в него… *М. Хайдеггер. Парменид.*

… Что понимание не только может быть бессознательным, как человек может быть красивым и не сознавать этого, — это старое философское знание, не имеющее отношение к психологии… *В. В. Бибихин. Чтение философии.*

## *4. Феноменология*

Феноменология как наука о конкретных феноменах, присущих субъективности и интерсубъективности, есть… априорная наука о всевозможных видах существования. Сфера феноменологии универсальна, поскольку не существует априори, которое не зависело бы от своего интенционального конституирования и и не обретало бы в нем свою способность создать определенные линии в жизни сознания, которое обладало бы знанием об этой способности; так что установление некоторого априори должно раскрывать тот объективный процесс, посредством которого оно устанавливается. *Э. Гуссерль. Феноменология (Статья из Британской энциклопедии).*

В эпоху живой реакции против схоластики боевым кличем было: «долой пустые анализы слов». Мы должны спрашивать у самих вещей. Назад к опыту, к созерцанию, которое одно только может дать нашим словам смысл и разумное право. Совершенно верно! Но что такое те вещи и что это за опыт, к которым мы должны обращаться в психологии? Разве те высказывания, которые мы выспрашиваем у испытуемых лиц при эксперименте, представляют собой вещи? И есть ли истолкование их высказываний «опыт» о психическом? *Э. Гуссерль. Философия как строгая наука.*

Проблема отношения субъекта к объекту коренится в субстанциалистской онтологии, где существование мыслилось по типу вещи, основание которой — в ней самой. С таких позиций отношение существования ко всему, что не есть существование, выглядит глубоко загадочным. Но Гуссерль, как мы продемонстрировали, преодолевает субстанциалистское понимание

существования и показывает, что субъект не есть некая вещь, которая сперва существует, а затем вступает в отношение с объектом. Отношение субъекта к объекту есть поистине первичный феномен, и только в нем обнаруживается то, что называют «субъектом» и «объектом». Гуссерль с самого начала усматривал субстанциальность сознания именно в интенциональности. *Э. Левинас. Теория интуиции в феноменологии Гуссерля.*

▒ Шаг вперед, совершенный Гуссерлем по сравнению с Декартом, состоит в том, что он не отделяет познание предмета — и, шире, модус явления предмета в нашей жизни — от его бытия; что он видит в модусе познания предмета выражение и характеристику модуса его бытия. Вот почему в философии Гуссерля впервые открывается возможность перейти от теории познания и через нее — к теории бытия. Такая теория, с одной стороны, призвана непосредственно исследовать сущность сущего, являющегося сознанию; а с другой стороны, изучать способ существования различных регионов бытия. Заметим, что вместе с идеей различного существования внешней вещи и сознания возникает сама возможность различных модусов существования. *Э. Левинас. Теория интуиции в феноменологии Гуссерля.*

▒ …вышедшую в 1927 году книгу «Бытие и время» я посвятил Гуссерлю, потому что феноменология подарила возможность пути. *М. Хайдеггер. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим.*

## *5. Вопрос о мышлении*

▒ Научное знание уничтожило вещи как таковые задолго до того, как взорвалась атомная бомба. *М. Хайдеггер. Вещь.*

▒ Наука — это техника. *В. В. Бибихин. Мир.*

▒ Точное мышление никогда не есть самое строгое мышление. <…> Точное мышление… служит исключительно [сущему].

Всякий расчет сводит исчислимое к расчисленному, чтобы употреблять его в последующих счетах. Расчет не позволяет появиться ничему, кроме исчислимого. <…>

Рассчитывающее мышление само принуждает себя к необходимости овладеть всем исходя из законосообразности собственного подхода. Оно не способно ощутить, что все исчислимое счетом еще до вычисления той или иной суммы и производимого уже есть некое целое, чье единство явно принадлежит к неисчисляемому и чья неприручаемая странность ускользает от хватки расчета. *М. Хайдеггер. Послесловие к «Что такое метафизика?»*

▒ Одно дело хранение — через слышащее восприятие присутствующего — круга непотаенности, всякий раз ограниченного (человек как metron). Другое — наступательное продвижение в лишенную границ сферу потенциального опредмечивания посредством исчисления всякому человеку доступного и для всех обязательного представимого. <…>

Представление — уже не выслушивающее восприятие присутствующего, к чьей непотаенности принадлежит и само это восприятие, а именно как особенный род присутствия при непотаенном присутствующем. Представление — уже не раскрытие себя вещам, а схватывание и постижение. Не власть присутствующего, а господство хватки. Теперь в духе новой свободы представление есть самообосновывающее вторжение в сферу обеспеченных данностей, в которой надлежит прежде всего утвердиться. Сущее уже не присутствующее, а лишь противопоставленное в представлении, пред-стоящее. Представление есть наступательное, овладевающее о-пред-мечивание. Представление сгоняет таким образом все в единство такого пред-ставленного. Представление есть coagitatio. <…>

Человек учреждает сам себя законодателем всех мер, которыми отмеряется и измеряется (вычисляется), что имеет право считаться достоверным, т. е. истинным и стало быть существующим. Свобода субъекта есть новая свобода. *М. Хайдеггер. Время картины мира*.

▒ В философии ни в коем случае нельзя доказывать положения; и это не только потому, что не существует высших основоположений, из которых можно было бы вывести другие, а потому, что здесь являются истинным вообще не «положения» и не то, о чем они говорят. Всякое «доказывание» имеет предпосылкой то, что понимающий подходит к содержанию положения

именно представляющим, и остается неизменно таким же в воссоздании доказательной последовательности представлений. И лишь «результат» хода доказательства может требовать какого-то измененного способа представления или, скорее, представления до этого еще не замеченного... В философском познании, напротив, с первого шага начинается изменение понимающего человека. *М. Хайдеггер. Вклады в философию. От события*.

▒ Мышление — это не знание, но, быть может, оно существеннее знания, потому что ближе бытию в той близости, которая окутана далью. Мы не знаем ее, сущности истины. Поэтому надо, чтобы мы спрашивали о ней и сталкиваясь с этим вопросом в смысле постижения того, каково самое малое условие, которое нам надо выполнить, коль скоро мы собираемся почтить сущность истины своим вопрошанием. Условие гласит, что нам надо стать мыслящими. *М. Хайдеггер. Парменид*.

▒ В философии есть только пути, в науке, напротив, — только методы, то есть способы продвигаться вперед. *М. Хайдеггер. Семинар в Церингене*.

## *6. Язык*

▒ Мысль… относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты — хранители этого жилища. *М. Хайдеггер Письмо о гуманизме*.

▒ То, что люди якобы «выбирают» слова, — видимость, порожденная коммуникацией, иллюзия, в плену которой находится речь. «Свободная» речь в своем течении самозабвенно вверяет себя пробуждающейся в медиуме языка сути дела. Это относится и к пониманию письменно зафиксированной речи, текстов. Потому что и тексты, когда их понимают, заново переплавляются в осмысленном движении речи. *Х.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного.*

▒ Язык хранит в себе всю ширь человеческого духа. Он и фантастичен и рационалистичен; он выше сил человеческих, а простая мысль, что язык не *наше* дело, еще редко у кого встречает спокойное согласие. *В. Бибихин. Слово и событие*.

▒ ... Думать можно только на своем собственном языке, иначе перебор мнений. ... Мы идем между двух огней, вернее между двух блефов, одним — иллюзией объективной работы со словом, реально словом называют лексику, другой блеф «концепций», на деле умственных конструкторов, когда человек надеется, что если он назвал что-то глобальное, то хотя бы глобус у него в руках, но и глобуса нет; ничто не умеет быть таким пустым, как лексика. *Из семинара В. Бибихина «Пора-4».*

▒ … почему же Мартин Хайдеггер не старается говорить о предмете (Sache) общепонятным немецким языком. Ответ мыслителя обычно был следующим: мы ведь всегда можем говорить лишь так, как мы думаем, а думаем так, как говорим. Если сущностное основание предмета — даже если этим предметом является само человеческое бытие — через опыт нового мышления и видения открывается в других значениях, то это требует и нового, соответствующего этому опыту говорения (Sagen). *Медард Босс. М. Хайдеггер Цолликоновские семинары.*

## *7. Вопрос о технике*

▒ Захваченность поставлением действительного как состоящего в наличии — это в конечном итоге тоже миссия, посылающая человека на один из путей раскрытия потаенности. В качестве этой миссии существо техники дает человеку вступить в нечто такое, что сам по себе он не может ни изобрести, ни тем более устроить; ибо такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует. *М. Хайдеггер. Вопрос о технике.*

▒ Человек стал неспособным к здесь-и-сейчас-бытию по причине того, что его охватила под личиной «великого» сорвавшаяся с цепей власть неистового гигантизма. *М. Хайдеггер. Вклады в философию. От события*.

▒ … Инструментальность считается основной чертой техники. <…>

Техника — вид раскрытия потаенности. <…>

Выведение из потаенности, которым захвачена современная техника, носит характер предоставления в смысле добывающего производства.<…>

Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самим собой свои собственные сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими. Управление со своей стороны стремится всесторонне обеспечить само себя. Управление и обеспечение делаются даже главными чертами про-из-водящего раскрытия. <…>

По-ставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим. <…>

Существо техники покоится в поставе. <…>

Где правит постав, на всякое раскрытие потаенного ложится печать управления, организации и обеспечения всего состоящего в наличии. <…>

Господство по-става грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины. Так с господством постава приходит крайняя опасность.

Но где опасность, там вырастает
И спасительное
(Гельдерлин).

*М. Хайдеггер. Вопрос о технике.*

В течение последних столетий идет переворот в основных представлениях, человек оказался пересаженным в другую действительность. Эта радикальная революция мировоззрения произошла в философии Нового времени. Из этого проистекает и совершенно новое положение человека в мире и по отношению к миру. Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности. Это, в принципе техническое, отношение человека к мировому целому впервые возникло в семнадцатом веке и притом только в Европе. Оно было долго незнакомо другим континентам. Оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов. *М. Хайдеггер. Отрешенность*.

## V. Словарь терминов

***das «Man» «люди»*** — повседневное, несобственное существование человека, при котором он безлико пребывает среди других, таких же безликих.

***Dasein, присутствие*** — сущее, понимающее свое бытие; сущность человека как «бытия-в-мире».

***Алетейя*** — истина как несокрытость бытия.

***Бытие*** — то, в свете чего является сущее; мир как целое; трансцендентное единство мира; «бытие всякий раз есть бытие сущего» (Мартин Хайдеггер).

***Бытие-в-мире*** — феноменальная сращенность человеческого существования с миром.

***Забота*** — отношение человека к целостности его экзистенции.

***Заброшенность*** — человеческое существование, «встроенное» в конкретные условия и обстоятельства.

***Категория*** — бытийная черта сущего, не являющегося присутствием.

***Онтический*** — предметный порядок сущего.

***Онтологический*** — непредметный порядок бытия; трансцендентальное условие возможности сущего.

***Подручность*** (один из модусов бытия) — внутримирное сущее неприсутствие размерного характера.

***Понимание*** — способ бытия человека; постижение смысла бытия.

***Смысл*** «есть то, на чем держится понятность чего-либо» (Мартин Хайдеггер).

***Сущее*** — определенные вещи, процессы, состояния и т. д., как они представлены в горизонте человеческого опыта.

***Ужас*** — бытийная возможность присутствия, которая размыкает присутствие и нарушает его целость.

***Фактичность:*** «Эмпиричность факта присутствия, в качестве какого всякий раз существует любое присутствие, мы называем фактичностью» (Мартин Хайдеггер).

***Экзистенциал*** — модус бытия как присутствия.

***Экзистенциальный*** — характеризующий способ бытия человека.

***Экзистенция*** — «субстанция человека есть экзистенция» (Мартин Хайдеггер); это само бытие, к которому присутствие как-то относится.

***Экзистирование*** — выход за пределы сущего.

## VI. Вопросы для самоподготовки

1. Как и когда (при каких обстоятельствах) появилась философская герменевтика?
2. Чем отличается философская герменевтика от специализированной (отраслевой)?
3. Каковы, по вашему мнению, главные особенности «классической» герменевтики?
4. Как вы понимаете выражение «Герменевтика есть искусство понимания»?
5. Чем отличается (с герменевтической точки зрения) понимание от объяснения?
6. Какие следствия влечет за собой положение «Герменевтическая ситуация всегда возникает заново »?
7. Как классическая герменевтика определяла предмет гуманитарных наук?
8. Какова роль критики?
9. В чем особенности «психологической» интерпретации и «грамматической»?
10. В чем смысл герменевтического круга?
11. Каков смысл герменевтического принципа «конгениальности»?
12. Какие идеи, по вашему мнению, наиболее существенны в «неклассической» герменевтике?
13. Какие идеи показались наиболее оригинальными и интересными?
14. Как вы понимаете выражение «Понимание есть способ бытия человека»?
15. Каковы основные определения «бытия»?
16. Что означает термин «Dasein»?
17. Попытайтесь «перевести» на свой (понятный вам) язык фрагменты из трудов классиков, представленные в этом пособии.

# VII. Литература

1. Бибихин, В. В. Витгенштейн : смена аспекта / В. В. Бибихин. — М., 2005.

2. Бибихин, В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. — М., 1993.

3. Бибихин, В. В. Чтение философии / В. В. Бибихин. — СПб., 2009.

4. Гадамер, Г. Актуальность прекрасного / Г. Гадамер. — М., 1991.

5. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М., 1988.

6. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Минск, 2000.

7. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Новочеркасск, 1994.

8. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М., 2000.

9. Дильтей, В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4 : Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей. — М., 2001.

10. Жюльен, Ф. О «времени». Элементы философии «жить» / Ф. Жюльен. — М., 2005.

11. Зиммель, Г. Избранное. Том второй : Созерцание жизни / Г. Зиммель. — М., 1996.

12. Зиммель, Г. Избранное. Том первый : Философия культуры / Г. Зиммель. — М., 1996.

13. Молчанов, В. И. Различение и опыт : феноменология неагрессивного сознания / В. И. Молчанов. — М., 2004.

14. От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога / науч. ред. А. А. Михайлов. — Минск, 1997.

15. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. — М., 1995.

16. Розанов, В. В. О понимании / В. В. Розанов. — М., 1996.

17. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. — М., 2000.

18. Фалев, Е. В. Герменевтика Хайдеггера / Е. В. Фалев. — СПб., 2008.
19. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М., 1997.
20. Хайдеггер, М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М., 1993.
21. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. — М., 1991.
22. Шестов, Л. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. Шестов. — М., 1992.
23. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. — СПб., 2004.
24. Шпет, Г. Явление и смысл / Г. Шпет. — Томск, 1996.
25. Юнг, К. Феномен духа в искусстве и науке / К. Юнг. — М., 1992.

# Оглавление

I. Общие замечания ..... 3
II. Классическая и неклассическая герменевтика ..... 5
1. Классическая герменевтика (основные идеи) ..... 6
2. Неклассическая герменевтика (основные идеи) ..... 7
III. Знакомство с первоисточниками ..... 8
1. Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер ..... 8
2. Мартин Хайдеггер ..... 11
3. Ханс-Георг Гадамер ..... 17
4. Поль Рикер. ..... 24
IV. Отдельные принципы и категории ..... 31
1. Бытие и сущее ..... 31
2. Dasein ..... 32
3. Понимание и объяснение ..... 33
4. Феноменология ..... 35
5. Вопрос о мышлении ..... 36
6. Язык ..... 38
7. Вопрос о технике ..... 39
V. Словарь терминов ..... 41
VI. Вопросы для самоподготовки ..... 43
VII. Литература ..... 44